

не принимавшихъ Апокалипсиса съ посланіемъ къ Евреямъ,—мы принимаемъ ту и другую книгу, слѣдуя не обычаю нашего времени, но авторитету древнихъ писателей»¹⁾. Отсюда видно, что не принимавшіе въ IV вѣкѣ Апокалипсисъ отступали отъ древняго церковнаго понятія и преданія объ этой книгѣ.

Совсѣмъ иного рода и особеннаго разсмотрѣнія требуетъ мнѣніе св. Діонисія Александрійскаго объ Апокалипсисѣ. Этотъ св. Отецъ не сомнѣвался въ происхожденіи Апокалипсиса отъ Богодухновеннаго писателя, и притомъ, по имени, Іоанна. «Что это Писаніе принадлежитъ Іоанну,—не спорю,—говоритъ Діонисій,—соглашаюсь и въ томъ, что оно есть произведеніе нѣкоего святаго и Богодухновеннаго писателя»²⁾. При этомъ св. Отецъ посрамляетъ отвергавшихъ эту св. книгу (надобно думать, алоговъ, ибо хула на эту книгу, упоминаемая Діонисіемъ, свойственна именно сѣмъ еретикамъ)³⁾. «Она выше собственнаго моего ума, говоритъ Діонисій о книгѣ Апокалипсиса; мнѣ кажется, что каждый ея предметъ заключаетъ въ себѣ какой-либо сокровенный и весьма дивный смыслъ. Если я не разумѣю ее, то, по крайней мѣрѣ, думаю, что въ ея словахъ скрывается глубокое значеніе. Я не порицаю того, во что не проникаю, напротивъ, непроницаемому тѣмъ болѣе удивляюсь, что не разумѣю его». Итакъ, св. Діонисій благоговѣнно читилъ въ Апокалипсисѣ священную и Богодухновенную книгу, исполненную духовныхъ тайнъ. Онъ затруднялся только признать писателемъ Апокалипсиса именно Евангелиста Іоанна Богослова: «Нелегко могъ бы я допустить,—говоритъ онъ,—чтобы это былъ именно Апостоль, сынъ Заведеевъ, братъ Іакова, тотъ самый, которому принадлежитъ Евангеліеи пр. Но и такое сомнѣніе возбудилось въ св. Отцѣ случайными обстоятельствами того времени. Египетскій епископъ Непотъ думалъ основать на Апокалипсисѣ Іоанна мнѣніе о тысячелѣтнемъ періодѣ видимаго Царства христіанъ со Христомъ.

¹⁾ Epist. ad Dardanum.

²⁾ Мѣста изъ св. Діонисія приведены въ Ист. Церк. Евсевія VII, 24, 25.

³⁾ Діонисій говоритъ: нѣкоторые изъ бывшихъ прежде меня отвергали эту книгу... Написалъ ее, говорили, Керинъ и пр. По свидѣтельству Епифанія, такъ думали объ Апокалипсисѣ именно алоги.

Для этого онъ написалъ книгу: «Обличеніе иносказателей», въ которой видѣніе Іоанново о тысячелѣтнемъ Царствѣ Христовомъ (гл. XX) изъяснялъ въ буквальномъ смыслѣ. Такъ усилился извѣстный расколъ хиліазма. Св. Діонисій ревностію противъ этого раскола увлекся до того, что сталъ оспаривать происхожденіе Апокалипсиса отъ Апостола Іоанна, хотя и при этомъ сомнѣніи нисколько не унижали священнаго достоинства этой книги. Итакъ, мнѣніе Діонисія произошло случайно. Въ основаніе своего мнѣнія Діонисій не представляетъ ничего историческаго, никакого свидѣтельства или преданія. Ему казалось, что духъ, образъ рѣчи и ходъ мыслей въ Апокалипсисѣ различенъ отъ иныхъ писаній Іоанна. Но если внимательно разсмотримъ самую книгу Апокалипсиса и сравнимъ съ прочими писаніями Іоанна, то, вопреки Діонисію, найдемъ новыя удостовѣрительныя доказательства подлинности Апокалипсиса ¹⁾. Итакъ обратимся къ внутреннимъ признакамъ подлинности Апокалипсиса.

Разсматривая Апокалипсисъ въ сличеніи съ Евангеліемъ и посланіями Апостола Іоанна, найдемъ, вмѣсто повода къ сомнѣнію, твердое удостовѣреніе въ томъ, что Апокалипсисъ принадлежитъ тому же самому св. Апостолу.

При всей разности содержанія Апокалипсиса отъ предмета другихъ писаній Іоанновыхъ, необходимо отразившейся и въ Богодухновенномъ состояніи Іоанна при написаніи Апокалипсиса, и въ самой его рѣчи, можно примѣчать въ этой книгѣ тѣ же самыя характеристическія особенности Апостола и Евангелиста Іоанна, какія видны въ его Евангеліи и посланіяхъ. И во первыхъ,—въ отношеніи къ самому содержанію.

Высшая созерцательность и таинственность, видимыя и въ посланіяхъ Іоанна, но наиболѣе ярко выразившіяся въ Евангеліи Іоанновомъ, которое по преимуществу этимъ и отличается отъ другихъ Евангелій, составляютъ отличительную принадлежность и Апокалипсиса. Такъ, Іоаннъ въ своемъ Евангеліи созерцаетъ Христа, какъ воплотившееся Слово, отъ начала сущее, и какъ творческое начало всего, какъ единичнаго Отцу, возвѣщающаго то, что слышитъ

¹⁾ О Св. Діонисіи Алекс. См. Ист. Церк. Евсев. VII. 24 и 25.

непосредственно отъ Отца,—какъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхъ міра, какъ спасительный свѣтъ для міра, вводящій върущихъ въ славу, какую Онъ Самъ имѣеть у Отца. Въ посланіяхъ—тотъ же образъ представленія о Христѣ, какъ о Словѣ жизни, *иже бѣ у Отца и явися намъ, какъ о пришедшемъ во плоти и давшемъ намъ свѣтъ и разумъ, и вводящемъ покорныхъ въ общеніе съ Отцемъ.* Въ такихъ же чертахъ изображается Христосъ и въ Апокалипсисѣ. *Наруцается имя Его Слово Божіе (XIX, 13). Азъ есмь Алфа и Омега, начатокъ и конецъ, первый и послѣдній (XXI, 6), глаголетъ Онъ. И видѣхъ,—говоритъ тайнозритель,—и се, посреда престола... Агнецъ стоящъ, яко закованъ (V, 6). И всяко созданіе, еже есть на небеси, и на земли, и подъ землею, и на мори яже суть, и суцая въ нихъ, вся слышахъ глаголющая: Сѣдящему на престолѣ и Агнцу благословеніе, и честь, и слава, и держава во вѣки вѣковъ (13). И градъ,—сказано о горнемъ Іерусалимѣ,—не требуетъ солнци и луны, да свѣтятъ въ немъ, слава бо Божія просвѣти его и свѣтильникъ его Агнецъ (XXI, 23). Азъ есмь... звезда свѣтлая и денница (XXII, 16), говоритъ Господь. Побѣждающему дамъ съести со Мною на престолѣ Моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ и съдохъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его (III, 20) ¹⁾.* Итакъ въ Апокалипсисѣ только отчасти образно, но въ существѣ дѣла—то же самое выпреженно-созерцательное возрѣніе на Господа, какъ и въ другихъ писаніяхъ возлюбленнаго ученика Христова, св. Іоанна Богослова.

Далѣе, какъ въ Евангеліи, такъ и въ посланіяхъ Іоанновыхъ все и дальнее разсматривается обыкновенно по отношенію къ горнему, къ самому Богу-Отцу и Сыну, а потому и на землѣ представляются двѣ таинственныя области: одна—въ благодатномъ общеніи со Христомъ и въ Немъ съ Отцемъ Небеснымъ, *суцая не отъ міра сего и побѣдоносная надъ міромъ*, а другая—подъ вліяніемъ врага Божія—дьявола, *міръ весь во злѣ лежащій*, насколько онъ есть область грѣха. Чрезъ все продолженіе и Апокалипсиса пред-

¹⁾ И такъ пишетъ Ewald, когда говоритъ, что Христосъ представляется въ Апокалипсисѣ отнюдь не столь возвышенно, какъ у Іоанна въ Евангеліи.

ставляется зрѣлище именно этихъ двухъ областей: одной—такой, въ которой находятся запечатлѣнные именемъ Отца Небеснаго, по которой поборааетъ Агнець—Слово Божіе съ небесными силами, и другой—такой, гдѣ дѣйствуетъ древній змій съ звѣрями, облакаемыми его властію, зрѣлище борьбы этихъ двухъ областей и торжества горней области надъ боговраждебностію другой. Сверхъ того, въ Евангеліи Іоанна Самъ Господь глаголетъ: *Грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ сотворшии блага въ воскрешеніе живота, а сотворшии злая въ воскрешеніе суди.* И въ посланіи Іоаннъ говоритъ: *Дѣти, послѣдняя година есть: и якоже слышасте, яко антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози быша, отъ сего разумѣваемъ, яко послѣдній часъ есть* (II, 18). Такъ точно и въ Апокалипсисѣ отъ начала до конца постоянно или слышатся воззванія о Господѣ и иногда Его Самого: *Се, грядетъ ео облаки* (I, 7). *Се гряду скоро* (III, 11). *Пріиде день великій гнѣва Его* (VI, 17). *Пріиде гнѣвъ Твой и время мертвымъ судъ пріяти* (XI, 18). *Ей, гряду скоро* и пр. Или представляются страшные противники Христовы (антихристы), умерщвляющіе самихъ могущественныхъ Божіихъ пророковъ (II, 7), побѣждающіе святыхъ, имѣющіе *область на всякомъ колѣнѣ, и на языцѣхъ, и племени* (XIII, 7). И вообще чрезъ все продолженіе Апокалипсиса слышенъ и виденъ грядущій Господь, потрясающій небо и землю въ наказаніе враговъ и къ избавленію Своихъ избранныхъ.

Наконецъ, по Евангелію Іоанна Богослова, Самъ Спаситель въ послѣдней бесѣдѣ съ учениками съ особенною убѣдительностію внушаетъ имъ царскую заповѣдь *любви*; равно и въ посланіяхъ Апостольскъ раскрываетъ съ особенною силою обязательность, спасительность и высоту христіанской любви. Такое же воззрѣніе на христіанскую любовь выражается и въ Апокалипсисѣ, хотя здѣсь таинственныя видѣнія почти и мѣста не оставляютъ для нравственныхъ внушеній. *Имамъ на тя*, сказано Ангелу Ефесской церкви, отличавшемуся притомъ дѣлами, трудомъ, терпѣніемъ, ревностію противъ лжеучителей: *имамъ на тя, яко любовь твою первую оставилъ еси. Помяни убо, откуда спалъ еси и покайся и первыя дѣла сотвори: аще же ни.... двину свѣтильникъ твой отъ мѣста своего* (II, 4—5). Значитъ, такъ же высоко и

въ Апокалипсисѣ поставляется любовь, какъ въ другихъ писаніяхъ св. Іоанна Богослова.

Изъ всего сказаннаго видно, какъ неосновательно и несправедливо утверждаютъ нѣкоторые, будто образъ мыслей въ важнѣйшихъ христіанскихъ предметахъ въ Апокалипсисѣ различенъ отъ Евангелія и посланій Іоанновыхъ ¹⁾. Напротивъ, образъ возрѣвій на предметы въ Апокалипсисѣ имѣеть тѣ же особенности, какія видны и въ прочихъ писаніяхъ Ап. Іоанна Богослова. Возвышенная созерцательность одинаково свойственна и пророчесственнымъ видѣніямъ Апокалипсиса, и историческимъ сказаніямъ Евангелія, и учительнымъ внушеніямъ посланій, такъ что во всѣхъ сихъ родахъ Откровенія, при всемъ различіи ихъ одного отъ другаго, виденъ одинъ и тотъ же возвышенный органъ Св. Духа, или служитель Слова Божія, отличавшійся орлинымъ взоромъ и полетомъ Боговдохновеннаго ума.

Во вторыхъ, въ изображеніи предметовъ.

Конечно, отъ созерцательнаго духовнаго настроенія Апостола Іоанна ²⁾ зависѣло то, что, когда онъ изображаетъ событія (въ Евангеліи), представляетъ ихъ, какъ бы въ самомъ дѣйстви, съ живою наглядностію, а когда излагаетъ ученіе (въ посланіяхъ), слѣдуетъ порядку созерцанія, свободно переходящаго отъ одного предмета къ другому. Подобное видно и въ Апокалипсисѣ; только здѣсь, по особенному роду содержанія, мѣсто историческихъ событій занимаютъ видѣнія, а мѣсто отвлеченныхъ мыслей—живые образы. Каждое видѣніе Апокалипсиса есть какъ бы дѣйствіе, совершающееся и являющееся предъ нашими глазами, и весь Апокалипсисъ представляетъ цѣлый рядъ такихъ дѣйствій и наглядныхъ явленій. Образы и явленія берутся часто изъ внѣшней природы (какъ то: солнце, море, звѣри и т. п.), но располагаются въ свободномъ порядкѣ созерцанія, безъ подчиненія ихъ законамъ и порядку природы.

Въ третьихъ, по духу и характеру, сказанія Евангелія и наставленія въ посланіяхъ Апостола Іоанна проникнуты

¹⁾ *Notiones totumque de summis Christianorum rebus sentiendi et cogitandi ambitum (differre)*, говоритъ Ewald.

²⁾ Известно, что Духъ Св. проявлялся во всѣхъ своихъ органахъ какъ Вѣтраго, такъ и Новаго Завѣта соответственно личнымъ особенностямъ этихъ духовныхъ органовъ.

всюду духомъ кроткимъ и успокоительнымъ. Такъ и въ Апокалипсисѣ сколько разнообразныя, столько и поразительныя видѣнія изображаются всегда съ одинаковымъ спокойствіемъ; даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда тайнозритель былъ въ особенномъ движеніи (когда, напр., онъ палъ, какъ мертвый, предъ славнымъ явленіемъ Господа (гл. I), или когда весьма дивился виду блудницы, также когда поклонялся Ангелу),—въ изображеніи и этихъ случаевъ, рѣчь не измѣняетъ своего спокойнаго и тихаго характера. Впрочемъ, какъ въ посланіяхъ ложь ниспровергается хотя спокойно, но съ силою и властительно (наприм., *радоватися ему не глаголите*, или *духъ антихристовъ есть*), такъ и въ Апокалипсисѣ дерзость поражается хоть спокойнымъ въ тонѣ, но грознымъ по значенію словомъ (XXII, 18. 19).

Въ четвертыхъ, касательно языка.

Въ Апокалипсисѣ языкъ, правда, не имѣетъ той плавности и чистоты, какія примѣчаются въ Евангеліи и посланіяхъ. Но причина этому понятна; она заключается отчасти въ состояніи, въ какомъ былъ Апостолъ при написаніи Апокалипсиса, отчасти въ самомъ предметѣ. Особенно живое восхищеніе и необычныя видѣнія были причиною того, что рѣчь тайнозрителя течетъ быстро и нерѣдко бываетъ даже отрывиста. Что касается предмета, раскрываемаго въ Апокалипсисѣ, здѣсь между прочимъ развивается та великая мысль, что судьбы Новозавѣтной Церкви уже были отгѣнены предметами и судьбами Церкви Ветхозавѣтной. Изъ обзорѣнія содержанія книги увидимъ, что чрезъ весь рядъ видѣній предносились взору тайнозрителя судьбы и предметы Ветхозавѣтной Церкви отъ начала ея до конца. Отсюда естественно было произойти другой особенности языка въ Апокалипсисѣ, именно: сюда вошли нѣкоторыя еврейскія слова, ветхозавѣтные образы, нѣкоторое сходство рѣчи съ св. книгами Ветхаго Завѣта. Впрочемъ и при сихъ особенностяхъ, языкъ Апокалипсиса имѣетъ сходство съ рѣчью Евангелія и посланій Іоанновыхъ во многихъ характеристическихъ чертахъ. Такъ, и въ Апокалипсисѣ, какъ въ Евангеліи, встрѣчается тотъ образъ выраженія, что одно и то же, повидимому, и утверждаетъ, и отрицается; наприм., въ Евангеліи: *взруай въ Мя не взруеть въ Мя, но въ прославшаго Мя* и т. п. (XII, 44). Подобное въ Апокалипсисѣ:

Възмъ твои дѣла и нищету, но богатъ еси (2; 3, или 3, 17 и пр). Противоположенія и параллелизмы¹⁾ одинаково употребительны и въ Апокалипсисѣ, какъ въ Евангеліи и посланіяхъ, напр., въ первомъ его посланіи: *Богъ свѣтъ есть, и тьмы въ Немъ нѣтъ ни единыя* (1, 5). *Свѣд прельщаемъ и истинны нѣтъ въ насъ* (1, 8). Въ Апокалипсисѣ: *Соблюдай еси Мое слово и не отверглася еси вѣры Моея* (2, 13); подоб. 2, 2—5, 8. 9 и проч.

Находимъ въ Апокалипсисѣ еще слѣдующія частности Іоаннова слововыраженія: *свидѣтельство, свидѣтельствовать* въ смыслѣ проповѣданія²⁾, (особенно сродны выраженія Еванг. 9, 35, I посл. 1, 1. съ Ап. 1, 2); *побѣждать*—въ смыслѣ духовныхъ совершенствъ³⁾; *вода жизни*⁴⁾ или *живая*⁵⁾ и проч. Наиболѣе же всего важно употребленіе и въ Апокалипсисѣ, какъ въ Евангеліи и въ посланіяхъ, этихъ возвышенно знаменательныхъ именъ Христовыхъ: *Слово, Агнецъ, истинный*⁶⁾.

Итакъ, и по языку, особенно же по возвышенному характеру воззрѣнія на предметы, по наглядному и вмѣстѣ спокойному ихъ раскрытію и изображенію оказывается одинъ и тотъ же св. писатель, какъ Евангелія и посланій Іоанновыхъ, такъ и Апокалипсиса.

А что въ Апокалипсисѣ представляются символическія видѣнія вмѣсто фактовъ, излагаемыхъ въ Евангеліи, и точныхъ понятій, раскрываемыхъ въ посланіяхъ, это, очевидно, зависитъ отъ разности содержанія. Разные роды писаній по

¹⁾ Параллелизмы: 3, 20—21. Слч. Ев. XVII, 21, или I Посл. IV, 15. Находимъ и въ Апокалипсисѣ, какъ и въ другихъ писаніяхъ Іоанновыхъ особенно частое употребленіе частицы *да* (напр. Апок. 2, 10. 21; 3, 9. 11. 18: 13, 15. 16. 17; 16, 12. 15) Также употребляются выраженія *по сему* о преемствѣ времени, какъ въ Евангеліи: 13, 22. 5, 1. 6, 1. 7, 1. Апок. 1, 19. 4, 1. 7, 1. 9, 15, 5, и связь настоящаго времени глаголовъ съ будущимъ (напр. Апок. 2, 5. Ср. Еванг. 14, 3 греч.).

²⁾ Апок. 1, 2. 9; 6, 9. 11, 7. 12, 17. 19, 10. 20. 4.

³⁾ Апок. 2, 7. 11. 17, 26. 3, 5. 12. 21, 7. Слч. I Посл. V, 3. 4. Ев. 16, 33.

⁴⁾ Апок. 21, 6 и 22, 17. Сл. Іоан. 7, 38.

⁵⁾ Іоаннъ только употребляетъ равно въ Евангеліи и въ Апокалипсисѣ слѣд. сочетаніе словъ: „соблюдать отъ“ Еванг. 17, 15. Апок. 3, 10, „имѣть часть“ Еванг. 13. 8. Апок. 20, 6.

⁶⁾ Апок. 3, 7; 19, 13; I Посл. V, 20 и проч.

содержанію, конечно, удобно могут принадлежать одному и тому же писателю. Какъ великій многопотребный и удобовмѣстительный сосудъ Св. Духа, Іоаннъ Богословъ есть вмѣстѣ и св. историкъ-евангелистъ, и Богодухновенный учитель, и тайнозритель: то и другое и третье достоинства взаимно себѣ не противорѣчатъ, а только свидѣтельствуя о многосторонности, глубинѣ и величіи этого сосуда Св. Духа.

Равнымъ образомъ то, что въ Апокалипсисѣ Апостоль называетъ себя неоднократно по имени, а не дѣлаетъ этого въ другихъ писаніяхъ, не составляетъ важной разности книги, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ писаніяхъ (кромѣ перваго посланія) Апостоль Іоаннъ не скрываетъ же себя, а называетъ хотя иначе, нежели въ Апокалипсисѣ; такъ въ Евангеліи онъ называетъ себя *ученикомъ, егоже любляше Іисусъ: сей есть ученикъ* и пр. (Іоан. XXI, 26—24). Поелику для современныхъ читателей Евангелія очень извѣстно было, кто—особенно любимый ученикъ Господа, то Апостоль, имѣвъ случай указать на эту свою особенность—*егоже любляше Іисусъ* уже не имѣлъ нужды называть себя по имени. Также во второмъ и третьемъ посланіяхъ къ особеннымъ, близкимъ ему лицамъ, маститому уже Апостолу достаточно было указать на свой возрастъ *старецъ*, чтобы чада его о Господѣ узнали, отъ кого посланіе. О первомъ посланіи сверхъ того есть достойное вѣроятія мнѣніе, что оно Апостоломъ вручено лично Ефесскимъ христіанамъ съ тѣмъ, чтобы они и сами руководились имъ, и передали его другимъ Малоазійскимъ церквамъ, а потому не было ни малѣйшей нужды указывать на свое лице не только чрезъ означеніе имени, но и другимъ какимъ-либо образомъ. Что же касается Апокалипсиса, Апостоль назначилъ эту книгу первоначально для извѣстныхъ семи церквей Малой Азіи, отъ которыхъ всѣхъ былъ удаленъ тогда заточеніемъ на островъ Патмосъ. Притомъ и самая книга, по пророческому и символическому содержанію своему, была необыкновенна и могла возбуждать недоразумѣнія о себѣ и писателѣ своемъ. Посему—то и была здѣсь нужда Св. Апостолу поставить себя на видъ болѣе прямымъ образомъ. Апостоль такъ и дѣлаетъ: называетъ себя по имени. Впрочемъ и здѣсь Апостоль вѣрнѣе тому своему характеру, чтобы не слишкомъ открыто

выставлять себя Апостоломъ, а только рабомъ и свидѣтелемъ Христовымъ (I, 1. 2).

Если же будемъ разсматривать Апокалипсисъ и безъ сличенія съ прочими писаніями Іоанна Богослова, то найдемъ, что въ Апокалипсисѣ обозначены, съ признаками неподдѣльности, имя, достоинство и обстоятельства св. писателя такія, которыя принадлежатъ св. Апостолу Іоанну Богослову. Такъ имя Іоанна нѣсколько разъ самъ св. писатель повторяетъ и въ третьемъ, и въ первомъ лицѣ, но безъ прибавленія къ этому имени указанія на свое апостольство и слѣдовательно безъ намѣренія возвысить свое значеніе именемъ Іоанна: *рабу своему Іоанну* (1, 1); *Іоаннъ седми церквамъ* (ст. 4); *Азъ Іоаннъ* (ст. 9 и XXII, 8). Апостольское достоинство свое писатель выражаетъ съ столь же явною неподдѣльностью; ибо говоритъ о себѣ, что пріемлетъ откровенія непосредственно отъ Бога и предлагаетъ оныя; какъ *истинныя словеса Божіи* (XIX, 3; XXII, 6 и др.), назначенныя для *рабовъ Божіихъ* или для христіанъ вообще (XXII, 6; I, 1); прибавлять или убавлять что изъ этихъ откровеній строжайше запрещаетъ подъ угрозой лишенія спасенія и пораженія язвами отъ Бога (XXII, 19). Говоритъ такъ о своемъ писаніи, хотя и не касаясь своей личности, значить тѣмъ не менѣе показывать въ себѣ одного изъ тѣхъ чрезвычайныхъ посланниковъ Божіихъ въ христіанствѣ, которымъ Господь непосредственно открылъ и ввѣрилъ Свою истину, которые ни отъ кого отъ людей не были научаемы спасительнымъ тайнамъ, но сами избраны отъ Бога учить всѣхъ; таковы въ христіанствѣ были исключительно и единственно святые Апостолы. Обстоятельства писателя въ Апокалипсисѣ указаны случайно и, слѣдовательно, также неподдѣльно, слѣдующія: служеніе его вообще было свидѣтельствовать *слово Божіе, и свидѣтельство Іисусъ-Христово, и елика самъ видѣ* (1, 2); подъ ближайшимъ особеннымъ попеченіемъ его состояли церкви Малоазійскія: Ефесская, Смирнская и пр. (2 и слѣд. гл.); наконецъ, за проповѣдь о Христѣ онъ долженъ былъ находиться нѣсколько времени на островѣ Патмосѣ (1, 9). Въ этихъ обстоятельствахъ находился именно св. Апостоль Іоаннъ: о служеніи его нѣтъ и нужды говорить, что оно состояло въ свидѣствованіи Слова Божія: о долговременномъ пребываніи его въ Малой Азіи, объ апо-

стольской попечительности и надзоръ надъ здѣшними церквами, равно и о заточеніи его за Слово Божіе на островъ Патмосъ свидѣтельствуютъ Ириной, ученикъ Поликарпа, бывшаго ученикомъ самого Апостола Іоанна Богослова, Климентъ Александрійскій, учитель II вѣка, историкъ Евсевій и другіе ¹⁾).

Примѣчаніе. Изъ указанныхъ выше свидѣтельствъ тай-зрителя о самомъ себѣ считаютъ особенно знаменательнымъ слѣдующее: *яже свидѣтельствова Слово Божіе и свидѣтельство Іисусъ-Христово, и елика видѣ* (1, 2). Не безъ причины и не безъ значенія, конечно, употреблены здѣсь въ совокупности эти три выраженія о предметѣ свидѣтельствванія: *Слово Божіе, свидѣтельство Іисусъ-Христово и елика видѣ*. Что здѣсь обозначаются три взаимно отдѣльные предмета свидѣтельствванія, это видно изъ продолженія той же первой главы. Далѣе (9, 11) употреблены всѣ три разсматриваемыя выраженія и также о самомъ Іоаниѣ, но употреблены такъ, что сначала поставлены вмѣстѣ только два изъ нихъ: *быхъ во островъ, нарицаемомъ Патмосъ за слово Божіе и за свидѣтельство Іисусъ Христово* (ст. 9), а потомъ употреблено и третье выраженіе въ повелѣніи Господнемъ: *яже видѣши, напиши въ книгу* (ст. 11). Очевидно, что здѣсь слова: *яже видѣши*—относятся собственно къ видѣніямъ, изображаемымъ въ Апокалипсисѣ. Но эти слова—то же, что одно изъ приведенныхъ выше выраженій: *елика видѣ*. Если же въ этомъ мѣстѣ: *свидѣтельствова Слово Божіе и свидѣтельство Іисусъ Христово и елика видѣ* одно изъ трехъ выраженій, стоящихъ въ общей и одинаковой между собою связи, относится къ своему особому предмету, именно къ откровеніямъ, изложеннымъ въ послѣдней новозавѣтной книгѣ, то и другія два выраженія можно же разумѣть объ отдѣльныхъ предметахъ, соответственныхъ книгѣ Апокалипсиса ¹⁾. Въ Евангеліи предлагается ученіе о Богѣ-Словѣ и самое слово или ученіе Богочеловѣка: *вотъ Божіе слово!* Въ посланіяхъ не только предлагается собственное свидѣтельство Апостола объ Іисусѣ Христѣ, но указываются еще свидѣтельства объ Немъ небесныхъ и зем-

¹⁾ См. Ист. Церк. Евсев. книг. III, 22 гл.

²⁾ См. Karzow Comment. ad libros N. Test. ingenere, p. 184.

ныхъ свидѣтелей (Іоан. V, 7 и др.): вотъ *свидѣтельство Іисусъ-Христово!* Итакъ писатель Апокалипсиса представляетъ себя, хотя не совсѣмъ прямо и открыто (что и показываетъ неподдѣльность его самосвидѣтельства), такимъ учителемъ, которому должны принадлежать, кромѣ Апокалипсиса, извѣстныя Іоанново Евангеліе и посланія. Лицо Апостола и Евангелиста Іоанна здѣсь опредѣлительно обозначается. Въ подтвержденіе представляемаго изъясненія надобно еще сказать то, что оно согласно съ общимъ духомъ и характеромъ Апокалипсиса, именно съ тайнознаменательностію этой книги.

II

Обстоятельства и потребности Церкви, при которыхъ дано Откровеніе Іоанново.

Въ самомъ Апокалипсисѣ прямо сказано, что откровенія, содержащіяся въ немъ, даны Апостолу на островѣ Патмосѣ, гдѣ онъ находился *за слово Божіе и за свидѣтельство Іисусъ-Христово* (1, 9). Изъ такого образа выраженія видно, что это было не добровольное, а вынужденное пребываніе Апостола на Патмосѣ, или заточеніе его на этотъ островъ за проповѣданіе о Христѣ; почему Апостоль, говоря о своемъ пребываніи на Патмосѣ, тутъ же представляетъ себя *общникомъ въ печали и терпѣніи Іисусъ-Христовѣ*, вмѣстѣ съ другими христіанами. Согласно и всѣ свидѣтельства христіанской древности, что Апокалипсисъ написанъ во время заточенія Апостола Іоанна на островъ Патмосъ; такія свидѣтельства выше были приводимы. Но въ какое царствованіе былъ заточенъ сюда возлюбленный Христовъ ученикъ, это въ Апокалипсисѣ не опредѣлено, а показанія древности о томъ разногласятъ; между тѣмъ, не иначе, какъ чрезъ точнѣйшее разрѣшеніе этого вопроса, можно съ точностію уяснить обстоятельства и нужды Церкви, въ которыхъ и по которымъ послѣдовало откровеніе. Итакъ должно намъ тщательно изслѣдовать, отъ кого и когда именно Апостоль заточенъ былъ на томъ островѣ, гдѣ дано было ему откровеніе. Сначала разсмотримъ свидѣтельства объ этомъ, а потомъ поищемъ въ самой книгѣ признаковъ того времени, когда она написана.

Къ болѣ раннему времени относить заточеніе Іоанна и потому происхожденіе Апокалипсиса св. Елифаній: по его мнѣнію, это было въ царствованіе Клавдія ¹⁾. Къ болѣ позднему времени относятъ Дороеей Тирскій (епископъ IV. вѣка), именно ко времени Траяна, или даже (по другому чтенію) Адріана ²⁾. Болѣе обычное мнѣніе то, что Іоаннъ былъ заточенъ и написалъ Апокалипсисъ при Домиціанѣ. Это мнѣніе находится прежде всѣхъ (только не всѣми одинаково понимается) у Иринея ³⁾, за нимъ у Евсевія ⁴⁾, у Викторина ⁵⁾, Иеронима ⁶⁾. Наконецъ, по надписи въ сирскомъ переводѣ Апокалипсиса ⁷⁾, по мнѣнію блаж. Теофилакта ⁸⁾ и Ипполита младшаго ⁹⁾, изгнаніе Апостола на Патмосъ и происхожденіе Апокалипсиса было въ царствованіе Нерона. Прочіе изъ древнихъ говорятъ общо и неопредѣленно о царѣ, заточившемъ Апостола Іоанна; Климентъ называетъ его просто тиранномъ ¹⁰⁾, Оригенъ—Римскимъ царемъ ¹¹⁾, Тертуллианъ ¹²⁾ только сопоставляетъ озлобленіе Іоанна съ мученичествомъ Петра и Павла. Изъ представленныхъ мнѣній нетрудно усмотрѣть недостовѣрность перваго и втораго, по которымъ написаніе книги относится къ самому раннему времени (Клавдія) и къ самому позднему (Траяна или Адріана). Ибо о Клавдіи извѣстно изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, что онъ только выслалъ іудеевъ изъ Рима, а отнюдь не гналъ христіанъ за слово *Божіе и свидѣтельство Іисуса* (Дѣян. XVIII, 2), за что именно былъ заточенъ Іоаннъ. А въ царствованіе Траяна или Адріана, если только дожилъ до сего св. Апостоль Іоаннъ, онъ былъ въ самой глубокой

¹⁾ Epirh. Haer. lib. 12, 33.

²⁾ Biblioth. max. Patr. T. VII, 122.

³⁾ Advers. haer. V, 20, 3. (См. Евсев. Ист. Ц. III, 18).

⁴⁾ Ист. Церк. III, 18.

⁵⁾ Comment. in. bibl. max. Patr. T. 10, p. 310.

⁶⁾ Advers. Jovinian. 2, 14.

⁷⁾ Надпись въ сирскомъ слово въ слово: *Revelatio, quae facta est super Johannem Evangelistam a Deo in Pathmo insula, in quam in Pathmo insula, in quam jactus fuit a Nerone.*

⁸⁾ Въ предисл. къ толков. на Еванг. Іоанна.

⁹⁾ Chronic. fragm. Hippolyt.

¹⁰⁾ См. у Евсев. Церк. Ист. 3, 23. Clemens: quis dif. Salv. c. 42.

¹¹⁾ Comment. in Math. XVI, 6.

¹²⁾ De praescript. c. 36.

старости, на что нѣтъ ни малѣйшаго указанія въ Апокалипсисѣ; притомъ Иринея, около этого времени происшедшій на свѣтъ, относитъ происхождение книги не къ современности, а еще къ предшествующему поколѣнiю. Что касается до третьяго мнѣнiя о написанiи Апокалипсиса въ Домиціаново царствованіе, это мнѣніе представляетъ на видъ много важности и по авторитету, и по числу раздѣлявшихъ такое мнѣніе¹⁾. Особенно важенъ авторитетъ св. Иринея, какъ самаго близкаго ко времени апостольскому и притомъ ученика непосредственныхъ учениковъ Іоанновыхъ (св. Поликарпа). Но его-то свидѣтельство и подвергается разнымъ толкованiямъ критики. Онъ говоритъ: «Видѣнiя (апокалипсическія) были не въ дальнемъ времени, но почти въ нашемъ родѣ, къ концу царствованiя Дометіева» (*πρὸς τὸ τέλος τῆς Δομετιάνου ἀρχῆς*). Извѣстно, что Неронъ имѣлъ еще имя Домиція или Дометія¹⁾. По такому разумѣнiю, владычество Дометіево въ свидѣтельствѣ Иринея есть собственно царствованіе Дометія Нерона. А когда такъ, то свидѣтельства за Дометіаново время другихъ учителей, которые собственно послѣдовали въ этомъ Иринею, теряютъ уже доказательную важность и силу³⁾. Евсевій и Іеронимъ относили происхождение Апокалипсиса къ царствованiю Дометіана только потому, что Иринеево *Δομετιάνου*, которое можетъ быть съ большею основательностію принято за прилагательное «Дометіево», приняли за существительное собственное имя. И такимъ образомъ мнѣніе, что Апокалипсисъ былъ написанъ во время изгнанiя Іоанна Богослова Домиціаномъ, не имѣетъ над-

¹⁾ Притомъ оно представляется опредѣленнымъ и обстоятельнымъ: ибо у Иринея сказано, что къ концу царствованiя „Дометіанова“ или „Дометіева“ вышло откровеніе; а Іеронимъ означаетъ 14 годъ Домиціанова царствованiя временемъ заточенiя Іоаннова.

²⁾ Критики (напр. Guerike не безъ основанiя замѣчаютъ, что если бы у Иринея стояло имя существительное собственное „Дометіана“, то оно должно было бы по-гречески имѣть членъ, какъ бываетъ при подобномъ сочиненiи словъ: *τῆς τοῦ Δομετιάνου ἀρχῆς*. Потому находятъ болѣе правильнымъ понять это слово у Иринея *Δομετιανῶν*, какъ прилагательное отъ *Δομετιᾶς* и значащее „Дометіевъ“.

³⁾ Ибо и самое точное изъ нихъ, именно свидѣтельство Іеронимово, указывающее даже годъ царствованiя Домиціанова, есть не болѣе, какъ ученая хронологическая справка Іеронима, на какой именно годъ падаетъ указанный Иринеемъ „конецъ царствованiя“ Дометіанова. А Евсевій прямо цитуетъ Иринея (Ист. Церк. III, 18).

лежащей твердости. Остается намъ обратиться къ послѣднему изъ четырехъ представленныхъ выше мнѣній о времени выхода книги—къ тому мнѣнію, что св. Іоаннъ былъ заточенъ на островъ Патмосъ Нерономъ, и, слѣдовательно, въ царствованіе Нерона послѣдовало откровеніе. Твердо ли это мнѣніе? Для твердости его немаловажно и то, что съ нимъ удобно можетъ быть соглашено, какъ мы видѣли, и свидѣтельство столь близкаго къ апостольскому времени Иринея. Но особенно важно свидѣтельство о написаніи Апокалипсиса въ царствованіе Нерона, выраженное въ надписаніи Апокалипсиса въ сирскомъ переводѣ; ибо въ этомъ свидѣтельствѣ слышенъ голосъ цѣлой церкви Сирской, употреблявшей Апокалипсисъ съ показаннымъ надписаніемъ; притомъ же древность перевода сирскаго восходитъ даже до II вѣка, слѣдовательно, близко къ самому времени происхожденія Апокалипсиса. Свидѣтельство блаж. Теофилакта о происхожденіи Апокалипсиса именно при Неронѣ также сильно, потому что онъ, какъ извѣстный основательностію изслѣдователь Св. Писанія, избралъ, конечно, наиболѣе достовѣрное мнѣніе о времени написанія Апокалипсиса въ царствованіе Нерона. Притомъ, къ этому же мнѣнію близко подходятъ и имъ изъясняются и общія, сами по себѣ неопредѣленные, свидѣтельства Тертуллиана, Климента Александрійскаго и Оригена. Тертуллианъ не даромъ сопоставляетъ злостраданіе Іоанна съ мученическою смертію Петра и Павла ¹⁾; это сопоставленіе можетъ приводить къ мысли, что то и другое послѣдовало въ одномъ гоненіи, а извѣстно, что Петръ и Павелъ пострадали отъ Нерона. Притомъ же самъ Тертуллианъ свидѣтельствуесть ²⁾, что Дометіанъ гналъ христіанъ недолго и самъ еще освобождать заточенныхъ: но Іоаннъ освобожденъ былъ уже по смерти гонителя. Климентъ же, сказавъ о возвращеніи Апостола изъ изгна-

¹⁾ Слова Тертуллиана: „felix Ecclesia... ubi Petrus passioni Dominicæ adæquatur, ubi Paulus Ioannis (Baptistæ) exitu coronatur, ubi Apostolus Joannes posteaquam in oleum igneam demersus nihil passus est, in insulam relegatur.“

²⁾ Слова Тертуллиана (Евсѣв. Ц. Ист. III, 20): „пытался тоже нѣкогда дѣлать и Домиціанъ, наслѣдовавшій часть жестокости Нероновой, но кажется, имѣлъ нѣсколько благоразумія, скоро прекратилъ эти дѣяствія и вызвалъ назадъ изгнанныхъ изъ отечества“.

нiя, повѣствуетъ о слѣдующихъ дальнѣйшихъ обстоятельствахъ, касающихся Апостола: о порученiи отъ Апостола нѣкотораго юноши епископу, воспитанiи юноши отъ епископа, крещенiи его, потомъ развращенiи этого юноши и опять обращенiи его на путь истины самимъ Апостоломъ Иоанномъ, который отыскалъ его и за убѣгавшимъ гнался самъ пѣшiй ¹⁾. Но послѣ Дометiановой кончины (96 г. по Р. Х.) Иоанну было уже около 90 лѣтъ; не мало времени еще требовалось на воспитанiе юноши и приготовленiе ко крещенiю и послѣ—не мало еще времени на развращенiе его до такой степени, что онъ сдѣлался начальникомъ разбойниковъ: такая продолжительность событiй, слѣдовавшихъ за возвращенiемъ Апостола Иоанна изъ изгнанiя въ Патмосъ, гдѣ получено было откровенiе, при соображенiи съ лѣтами жизни Апостола, довольно ясно показываетъ, что изгнанiе его въ Патмосъ должно быть ранѣе Дометiанова гоненiя; а прежде Дометiана изъ императоровъ римскихъ только Неронъ гналъ христанъ. Значить, его, а не другого, и разумѣлъ Климентъ подъ именемъ тирана; его же, конечно, разумѣлъ подъ названiемъ «римскаго царя» Оригенъ, какъ ученикъ Климента.

Внутреннiе признаки совершенно подтверждаютъ это розысканiе свидѣтельствъ.

Во первыхъ, весьма замѣчательно въ Апокалипсисѣ, что тогда какъ въ немъ столь ясно господствуетъ и въ разныхъ видахъ раскрывается мысль о побѣдѣ Христа надъ всѣми врагами, не видно никакого указанiя на то, что судъ Божiй надъ христуубiйственнымъ народомъ уже совершился чрезъ разрушенiе Иерусалима и храма. Чѣмъ это изъяснить? Быть не могло, чтобы на духъ св. Апостола грозныя событiя и наказанiя иудеевъ не произвели весьма глубокаго и сильнаго впечатлѣнiя; а извѣстно о Богодуховенныхъ писателяхъ, что Самъ Духъ Божiй, при сообщенiи имъ и чрезъ нихъ Церкви Своихъ откровенiй, воспроизводитъ въ нихъ впечатлѣнiя и образы сродные или только имѣющiе какое-либо соотношенiе съ предметами откровенiй. Итакъ, если въ Апокалипсисѣ нѣтъ указанiй на *совершившееся* уже низложенiе и каранiе богоборныхъ иудеевъ, то видно, что тайнозритель

¹⁾ Это Климентово повѣствованiе приведено и у Евсевiя (Ц. И. III, 22).

получилъ и написалъ откровеніе еще прежде разрушенія Іерусалима и, слѣдовательно, прежде не только Дометіана, но и Тита и Веспасіана. Дѣло необходимо доходить до времени Нерона.

Во-вторыхъ, нужно обратить вниманіе особенно на слѣдующее: въ Апокалипсисѣ раскрывается не только тайна будущаго, но отчасти относящееся и къ современности тайнозрителя, какъ прямо ему сказано: *напиши убо, яже суть, и имже подобаетъ быти по сихъ* (I, 19). Дѣйствительно, сначала въ книгѣ излагаются откровенія, относящіяся и назначаемыя ближайшимъ образомъ къ современнымъ апо-стольскимъ церквамъ Малоазійскимъ (гл. II и III). *Ангелу Ефесскія церкви напиши... Ангелу церкви Смирнскія напиши...* и пр. *Антипа, свидѣтель мой вѣрный, убіенъ бысть у васъ* и под. О слѣдующихъ же затѣмъ откровеніяхъ прямо сказано тайнозрителю: *Взыди съмо, и покажу ти, емуже подобаетъ быти по сихъ* (IV, 1). Изъ этихъ словъ ясно, что отселѣ начинаются откровенія главнымъ образомъ уже о будущемъ въ отношеніи ко времени, когда сообщались эти откровенія. Но первое здѣсь зрѣлище, открывшееся предъ тайнозрителемъ при снятіи съ книги судебъ Божіихъ таинственныхъ печатей (гл. VI), таково, что можно примѣчать раскрытіе въ этомъ зрѣлищѣ мысли Евангельскаго Христова предреченія, именно о страшныхъ бѣдствіяхъ іудеевъ, разрушеніи Іерусалима и храма; самое изображеніе кончины міра, внутренне связанное въ Христовомъ предреченіи съ разрушеніемъ Іерусалима, представляется въ означенномъ зрѣлищѣ Апокалипсиса въ прямыхъ евангельскихъ чертахъ¹⁾. Итакъ, грозныя событія суда Божія надъ іудеями относятся, по Апокалипсису, еще къ ряду тѣхъ событій, *имъ же подобаетъ быти* послѣ того, какъ дано было Іоанну великое откровеніе. И слѣдовательно, видѣнія Апокалипсиса послѣдовали никакъ не позже конца Неронова царствованія, когда началась столь карательная для іудеевъ война ихъ съ римлянами.

И наконецъ, въ-третьихъ, въ откровеніяхъ относительно Малоазійскихъ церквей значится, что даже такія церкви.

¹⁾ См. ниже изслѣд. VI главы. Въ настоящемъ же мѣстѣ для удостовѣренія въ сказанномъ достаточно простое, наглядное сличеніе Апок. VI гл. съ Матт. XXIV, 1—30.

которыя представлены наиболѣе пострадавшими (это—церкви Смирнская и Филаделфійская II, 8—11; III, 7—13) терпѣли особенно отъ іудеевъ, мечтавшихъ о своемъ значеніи Богоизбраннаго народа. Прежде Неронова гоненія дѣйствительно христіане терпѣли главнымъ образомъ отъ іудеевъ, которые вооружали противъ нихъ и язычниковъ, какъ видно изъ книги Дѣяній Апостольскихъ. Потому, при открывшемся гоненіи Нерономъ, свойственно было изъ прежнихъ озлобленій христіанъ указать по преимуществу на озлобленіе отъ іудеевъ. Гоненію же Дометіанову предшествовало уже Нероново гоненіе, много превосходившее, по словамъ Тертуллиана, Дометіаново и лютостію, и продолжительностію ¹⁾). И это гоненіе не ограничивалось мученіемъ римскихъ христіанъ за вину известнаго пожара, сложенную на нихъ Нерономъ, но простиралось и въ провинціи на христіанъ вообще. «Неронъ, освѣдомясь,—говоритъ Лактанцій (въ сочиненіи «О смерти гонителей»),—что въ Римѣ и провинціяхъ множество людей, покидая служеніе идоламъ и древнюю религію, обращается къ новой вѣрѣ,—освѣдомясь о томъ, богомерзкій тиранъ вознамѣрился ниспровергнуть сіе небесное зданіе. Онъ первый объявилъ войну противъ рабовъ Божіихъ». Изъ этого видно, что пожаръ римскій былъ не единственною виною осужденія и казни христіанъ, а поводомъ къ судебному открытію и преслѣдованію христіанъ собственно за ихъ вѣрованіе; потому гонитель звѣрски слѣдилъ ихъ не въ Римѣ только, но и въ провинціяхъ ²⁾). Конечно, малоазійскимъ христіанамъ не было пощады, когда и въ Испаніи находятъ слѣды Неронова неистовства противъ христіанъ ³⁾); посему было несообразно съ обстоятельствами, чтобы во время Дометіанова гоненія были на особенномъ виду только тѣ озлобленія, которыя претерпѣли христіане отъ іудеевъ, а жестокое Нероново гоненіе осталось незамѣченнымъ прямо ⁴⁾). Притомъ іудеямъ въ послѣднее время прежде

¹⁾ Слова о семъ Тертуллианъ уже были цитованы.

²⁾ Тертуллианъ говоритъ: «Обратимся къ вашимъ записямъ: въ нихъ вы увидите, что Неронъ первый возсталъ на наше ученіе и свирѣпствовалъ противъ него особенно въ Римѣ» (Tert. Apolog. См. Евсев. Ц. Ист. II, 15).

³⁾ См. Библ. Ист. 534 въ примѣчаніи.

⁴⁾ Мученичество Св. Антіпы указано въ Апокалипсисѣ безъ обозначенія, отъ кого онъ былъ замученъ (II, 13).

и при Дометіановомъ гоненіи вовсе было не до того, чтобы мечтать о своемъ іудействѣ и имѣть силу нападать на христіанъ, какъ значитъ о нихъ въ Апокалипсисѣ (II, 9; III, 9). Разрушеніе Іерусалима и храма, разсѣяніе и гоненіе самихъ іудеевъ отъ Веспасіана должно было такъ поразить и связать ихъ, что при Дометіанѣ едва можно имъ было еще и вздохнуть свободно. Напротивъ, предъ начавшеюся въ концѣ Неронова царствованія Іудейскою войною съ римлянами, дѣйствительно, гордый фанатизмъ и нетерпимость были въ высшей степени возбуждены въ іудеяхъ, и они во время этой войны даже для іудея Іосифа Флавія казались именно *какъ сонмище сатанино*. Все говоритъ за происхожденіе Апокалипсиса при Неронѣ, а не при Дометіанѣ.

Примѣчаніе. Конечно, разсуждая о значеніи Апокалипсиса въ общемъ составѣ Новаго Завѣта, нельзя не примѣтить того, что откровеніе о грядущихъ судьбахъ церкви до рѣшительнаго ея торжества и вѣчной славы, запечатлѣваетъ собою весь рядъ новозавѣтныхъ откровеній, а потому и всѣхъ вообще откровеній, руководственныхъ для Церкви; поему и заключеніе Апокалипсиса — подъ страшною угрозою прилагать или отымать отъ словесъ книги сея (XXII, 18, 19) — такъ хорошо идетъ къ самому концу всѣхъ Божественныхъ откровеній ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ! Что же изъ того? Иной вопросъ: какое мѣсто занимаетъ та или другая св. книга по внутреннему своему значенію для Церкви? И опять совѣмъ иной вопросъ: какое мѣсто должна занимать св. книга по времени своего происхожденія? Такъ, четверо-Евангеліе, какъ содержащее въ себѣ основаніе и законъ для всего Новаго Завѣта, стоитъ во главѣ всѣхъ новозавѣтныхъ книгъ; между тѣмъ возвышеннѣйшее изъ Евангелій, разумѣемъ Евангеліе Іоанново, произошло едва ли не послѣ всѣхъ новозавѣтныхъ книгъ; а то вѣрно, что наибольшая ихъ часть вышли гораздо ранѣе этого Евангелія. Подобное могло случиться и съ Апокалипсисомъ. Книга, служащая печатію для всего откровенія, могла произойти ранѣе нѣкоторыхъ другихъ. Объяснимъ дѣло обстоятельнѣе. Общій внутренній порядокъ новозавѣтныхъ откровеній, по соображенію ихъ, называется такой: прежде всего благопотребно было основать и устроить Новозавѣтную Церковь, потомъ уже ввести ее въ извѣстную ви́шнюю область въ извѣстномъ внутреннемъ по-

рядкѣ; притомъ нужно раскрыть и разъяснить все, что относится къ ея устройству, къ ея составу, къ ея отношеніямъ и под., и, наконецъ, уже открытъ весь путь ея странствованія со всѣми опасностями до самаго небеснаго отечества и покоя. Такимъ образомъ всѣ книги новозавѣтныхъ получаютъ каждая свое мѣсто по своему внутреннему значенію, обозначаются частныя ихъ отдѣлы, и общій ихъ составъ представляетъ стройное и полное цѣлое, правильно завершенное Апокалипсисомъ. Но время происхожденія этихъ книгъ условливается частными случаями и потребностями тѣхъ лицъ и церквей, которыя первыя принимали ту или другую св. книгу. Потому здѣсь уже выходитъ порядокъ другой, не нарушающій перваго, но и не зависящій отъ него; здѣсь все дѣло зависитъ отъ частныхъ случаевъ къ написанію той или другой книги и потребностей въ томъ или другомъ откровеніи. Отъ сего-то и произошло то, что, напр., св. книга, относящаяся къ основному, законодательному, отдѣлу (разумѣемъ Евангеліе Іоанна) появилась уже послѣ выхода большей части новозавѣтныхъ книгъ: это потому, что ранѣе не было случаевъ и удобства къ сообщенію возвышеннѣйшаго Евангелія; и съ другой стороны, книга, которою естественно запечатлѣваются всѣ откровенія, явилась ранѣе нѣкоторыхъ немногихъ. Это потому, что не было еще случая къ написанію этихъ послѣднихъ, и напротивъ, представилась уже нужда въ откровеніяхъ первой.

Такимъ образомъ разсмотрѣніе свидѣтельствъ о времени происхожденія Апокалипсиса и внутренніе признаки въ самой книгѣ убѣждаютъ, съ устраненіемъ недоразумѣній, что видѣнія апокалипсическія были Іоанну во время заточенія его на островъ Патмосъ отъ Дометія Нерона. Дознавъ главное, можемъ точнѣе опредѣлить и прочія обстоятельства, въ какихъ и по какимъ дано это откровеніе.

Гоненіе Нероново продолжалось около четырехъ лѣтъ отъ великаго римскаго пожара до смерти самого гонителя ¹⁾. Это — 64-68 г. по Рождествѣ Христовомъ. Впрочемъ не къ началу гоненія относится происхожденіе Апокалипсиса; ибо нужно время, чтобы неистовство Нерона, не удовлетворяясь жертвами въ Римѣ, простер-

¹⁾ См. библейскую Исторію.

лось на провинціи, и затѣмъ нужно еще время, чтобы въ самой Азіи схватить Іоанна и отослать на судъ императора въ Римъ ¹⁾, и послѣ напраснаго усилія тиранна умертвить Апостола въ кипящемъ маслѣ ²⁾, осудить его на заточеніе въ Патмосъ; нужно новое время, пока Апостоль прибылъ или приведенъ былъ въ мѣсто заточенія, и уже, наконецъ, когда Апостоль жилъ въ Патмосѣ, дано было ему откровеніе. Отсюда можно видѣть, что это было уже спустя не мало времени послѣ открытія гоненія. Св. Ириней свидѣтельствуетъ, что видѣніе Іоанново относится «къ концу царствованія Дометіева» (по чтенію, которое справедливо признано достовѣрнымъ). Съ другой стороны, откровеніе должно, какъ выше было показано, сколько-нибудь упредить бѣдствія войны Іудейской, а Веспасіанъ открылъ военныя дѣйствія противъ Іерусалима въ 67 году, за годъ до смерти Нерона. Посему надобно полагать происхожденіе Апокалипсиса въ 66-мъ или въ началѣ 67-го года; это время дѣйствительно идетъ уже къ концу царствованія Дометія-Нерона, однако предваряетъ ужасы Іудейской войны.

Обстоятельства этого времени объясняютъ намъ, что точно была настоящая потребность для Церкви въ такомъ откровеніи. Изъ книги Дѣяній Апостольскихъ и изъ посланій Апостоловъ видно, что юная христіанская Церковь уже терпѣла разныя озлобленія словомъ и дѣломъ, въ разныхъ мѣстахъ, отъ іудеевъ и язычниковъ. Св. Апостолы ободряли христіанъ надеждою, что *пришествіе Господне приближается* (Іак. V, 8), что *озлобляющіе воздадутъ слово сущему готову судити живыхъ и мертвыхъ* (1 Петр. IV, 5). Что же, однако, произошло? Со стороны язычниковъ выступила противъ Церкви сама государственная власть всемірной почти Римской имперіи и притомъ въ лицѣ самаго безчеловѣчнаго изъ тиранновъ ³⁾. Уже до двухъ лѣтъ продолжалось гоненіе Нероново и въ Римѣ, и въ провинціяхъ. Сами язычники со своими предразсудками противъ христіанства не могли безъ

¹⁾ По свидѣтельству Іеронима (Comment. in Math. c. XX. см. Чет. Мис. Сент. 26 чис.) Іоаннъ былъ схваченъ въ Малой Азіи и отосланъ въ Римъ проконсуломъ Асійскимъ.

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ Тертуллианъ.

³⁾ Неронъ взвилъ свою мать, своего воспитателя (Сенеку) и гнѣшилъ иллюминаціею изъ факеловъ, въ которыхъ горѣли люди.

порицанія говорить о жестокости, какую должны были испытывать христіане ¹⁾: ихъ предавали въ звѣриныхъ кожахъ на растерзаніе псамъ; зажигали ихъ тѣла для освѣщенія садовъ мучителя во время ночи. Оба первоверховные Апостола были въ числѣ жертвъ гоненія, пострадавъ въ Римѣ ²⁾; возлюбленный ученикъ Господа взятъ былъ отъ своихъ чадъ и послѣ истязаній заточенъ въ Патмосъ. Къ тому же времени надобно относить и тѣ дни, въ няже *Антипа, свидѣтель Христовъ вѣрный, убіенъ бысть* въ Малой Азій, въ Пергамѣ ³⁾. Лютость гоненія была тѣмъ поразительнѣе для христіанъ, что это было еще первое гоненіе ихъ отъ римскаго императора, и Неронъ окровавилъ самую еще колыбель вѣры, по выраженію Тертуліана ⁴⁾.

Таково было состояніе Церкви со стороны язычниковъ. Но это было только начало той ожесточенной вражды языческаго міра, которую должно было выдержать христіанство въ продолженіе особенно первыхъ трехъ вѣковъ. Суевѣрныя преданія язычества, которыхъ древность теряется во мракъ первоначальнаго происхожденія языческихъ племенъ и народовъ, которыя связались съ разившимися подъ ихъ вліяніемъ формами гражданскаго устройства и обычаями народной жизни, обоготвореніе язычествомъ самыхъ пороковъ и страстей, обольстительныхъ для ветхаго человѣка; самое даже истощаніе искренняго и живаго религіознаго чувства въ язычникахъ, причемъ обыкновенно тѣмъ упорнѣе стоятъ за мертвую религіозную внѣшность—вотъ что съ внутренней стороны язычества грозило христіанству. Власть, сила, образованіе, хитрость, свирѣпость и т. д. были готовыми у язычества внѣшними оружіями противъ разрушительнаго для него христіанства. Самъ Господь уже предсказывалъ, что Его послѣдователямъ предстоить борьба и подвигъ мученическаго свидѣтельства предъ язычниками ⁵⁾. Продол-

¹⁾ Tacit. annal. lib. XV. cap. 44.

²⁾ Мученическая смерть Петра и Павла, послѣдовала никакъ не позже написанія Апокалипсиса. Ибо и для нихъ бѣдствія Іудеевъ были еще будущими событіями. Они, по свидѣтельству Лактанція (кн. 1. гл. 21) предъ смертію пророчествовали о сихъ событіяхъ.

³⁾ Апок. 2, 13. См. Tertull. de Scorpia.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Мате. X XIV, 9 и сл. Іоан. XVI, 2 и др.

жительность и ожесточенность этой борьбы, въ продолженіе которой избранные Божіи должны были нести бремя всеобщей ненависти и безпощадныхъ гоненій, не смотря на первоначальныя столь живыя надежды скорого, рѣшительнаго избавленія отъ всѣхъ озлобленій,—требовали особенно сильныхъ ободреній и удостовѣренія въ томъ, что избранные путемъ самыхъ страданій и достигаютъ избавленія, а ихъ притѣснители находятся подъ гнѣвомъ и казнями Божіими.

Іудеи, которые не только сами возставали противъ христіанъ, но и возмущали противъ нихъ язычниковъ, при гоненіи Нерономъ, безъ сомнѣнія, торжествовали въ злобной радости, что само государство уже не терпитъ христіанъ, а вмѣстѣ имѣли полную свободу злословить и тѣснить ихъ и съ своей стороны. Около того же времени (предъ Іудейскою войною) мечта, что близко время ихъ свободы и славы, особенно занимала и одушевляла іудеевъ. Такъ было собственно въ Палестинѣ, по свидѣтельству Флавія, но изъ этого средоточія іудейства господствующій образъ мыслей и чаяній удобно распространялся всюду между іудеями, особенно въ странахъ, не слишкомъ отдаленныхъ отъ Земли Обѣтованной (каковы Малоазійскія страны). Это—тѣмъ болѣе что подобныя мечтанія іудеевъ о предстоящемъ времени ихъ преобладанія въ мірѣ основывались на ихъ преданіяхъ и на буквѣ (взятой внѣ своего духа) самого Св. Писанія. Изъ самаго Апокалипсиса видно, что богоборные іудеи дѣйствительно обнаруживали гордое чувство своего іудейства, т. е. своего избранія и высокаго назначенія, и въ такомъ чувствѣ хулили и озлобляли христіанъ. *Въ мѣ твоя дѣла, сказано Ангелу Смирнской церкви, и скорбь, и нищету, .. и хулы глаголющихся быти іудеи; и не суть, но сомнѣнне сатанино* (II, 9). *Се даю, сказано Ангелу другой церкви, отъ сомнѣнне сатанина глаголющіяся быти іудеи и не суть, но лгутъ: се сотворю, да придутъ и поклонятся предъ тобою* (III, 9). Когда здѣсь слово Божіе опровергаетъ похвальбу глаголющихся быти іудеи и грозитъ имъ за то униженіемъ предъ христіанами, то видно, что они провозглашали свое іудейство съ превозношеніемъ и во враждѣ противъ христіанъ. Такого рода нападенія на Церковь со стороны іудеевъ были тѣмъ злокозненнѣе, что направлялись не просто къ вѣншнему озлобленію христіанъ, но и противъ внутренняго со-

держанія самаго христіанства. Ибо, по ученію христіанства, всѣ формы іудейства потеряли уже свою силу и важность, и всѣ священныя памятники Теократіи имѣли быть разрушены, такъ чтобы не остался «камень на камнѣ». Продолжавшаяся доселѣ цѣлость Іерусалима и храма и неистовая ярость противъ христіанства самого императора римскаго естественно усиливали и поддерживали хулы іудеевъ противъ христіанства и мечты ихъ о важности, непреложности и славѣ своего іудейства. Христово пророчество, или лучше, всевластное Его опредѣленіе о разрушеніи Іерусалима и храма и вообще о страшныхъ бѣдствіяхъ, долженствующихъ постигнуть іудеевъ, озаряло вѣру съ одной стороны радостнымъ лучемъ, именно мыслию о скоромъ торжествѣ Церкви надъ богоборнымъ народомъ, но съ другой — готовило для вѣры (по крайней мѣрѣ, несовершенныхъ христіанъ) новое и сильнѣйшее искушеніе, которое требовалось предотвратить. Извѣстно, что въ Христовомъ властительномъ предреченіи о разрушеніи Іерусалима, неразрывно съ симъ соединено изображеніе кончины міра и втораго пришествія Христова. И дѣйствительно, когда еще смертію Іисуса Христа не было окончательно разрѣшено въ своемъ гадательномъ значеніи, и потому отмѣнено, ветхозавѣтное Церковное устройство, тогда, безъ сомнѣнія, свойственно и естественно было въ послѣднихъ судьбахъ Іерусалима и храма созерцать и представлять послѣднія судьбы и вообще Церкви, которую представляли Іерусалимъ, храмъ и Израиль. Но теперь что было бы для вѣры наибольшей части христіанъ, когда бы послѣдовало разрушеніе Іерусалима и храма, втораго же пришествія Христова и кончины міра (о чемъ говорилъ Христосъ: *абие по скорби дней тѣхъ* и пр.) еще не было бы и признаковъ? *Начинающимъ же симъ бывати*, сказалъ Господь вообще объ этихъ событіяхъ, — *восклонитесь и воздвигните главы ваши* и пр. (Лук. XXI, 28—36). Видя эти событія, какъ-то: разрушеніе Іерусалима и другія бѣдствія іудеевъ, — слыша притомъ и о явленіи въ іудеяхъ лжехристовъ, претерпѣвъ и гоненіе отъ іудеевъ и язычниковъ и пр., христіане восклонили бы свои главы съ увѣренностію, что уже наступаетъ рѣшительное и вѣчное избавленіе ихъ отъ всѣхъ золъ. Но между тѣмъ оказалось бы въ дѣйствительности новое лютое гоненіе отъ Домиціана

и т. д... Изъ сказаннаго можно понять, что самое Христово пророчество о разрушеніи Іерусалима могло бы поставить вѣру немощныхъ въ великое затрудненіе, если бы предреченіе Христово, какъ великое зерно, объемлющее судьбы Церкви до кончины міра, не было разложено со всею раздѣльностью на свои части, если бы оно не было раскрыто во всей полнотѣ и силѣ своего содержанія чрезъ новое великое откровеніе.

Продолжимъ вниманіе къ состоянію и нуждамъ Церкви того времени.

Между тѣмъ, какъ такіе мраки облегли новонасажденную Христову Церковь со стороны богоборно-мечтательнаго и самоувѣреннаго іудейства и преобладающаго, открыто возставшаго противъ христіанъ, язычества, — въ области самого христіанства все ли было благоустроено и благонадежно? Спасительная истина Христова, содержащая коренныя начала для всякаго вѣдѣнія, была чрезъ св. Апостоловъ вполне раскрыта и изложена даже въ Писаніяхъ (кромѣ развѣ нѣкоторыхъ Писаній самого Іоанна Богослова). Всѣ главныя стороны столь чрезвычайнаго переворота, каково замѣненіе сѣвновнаго ветхозавѣтнаго порядка Церкви новозавѣтнымъ порядкомъ совершенно открытой благодати, съ водвореніемъ притомъ Церкви по преимуществу въ мірѣ языческомъ вмѣсто избраннаго народа — были уже раскрыты и изъяснены въ словѣ Божіемъ, въ особенности Апостоломъ языковъ, Павломъ. Ветхій завѣтъ уясненъ во внутреннемъ значеніи и въ судьбахъ своихъ; внутреннее устройство Церкви, отношеніе ея къ міру и природѣ, послѣднее и вѣчное ея торжество (за исключеніемъ главнымъ образомъ обстоятельнаго откровенія о грядущихъ судьбахъ Церкви) опредѣлено и изъяснено св. Апостолами. Христова Церковь во всѣхъ почти отношеніяхъ явилась спасительною, свѣтлою и святою областью совершенно открытой благодати и истины. Но при такомъ Божественномъ свѣтѣ сами христіане всѣ ли были свѣтлы вѣрою и пламенѣли любовью христіанскою — это вопросъ совѣтъ другой. Правда, іудействующие лжеучители уже не могли быть много опасными для Церкви послѣ того, какъ ихъ ложь была во всѣхъ отношеніяхъ обличена и опровергнута избраннымъ сосудомъ Христовымъ, Павломъ. Однако и они имѣли еще нѣкото-

рую опору для своего заблужденія въ священныя памятники и учрежденія іудейства, существующихъ въ цѣлости (разумѣемъ Іерусалимъ, храмъ, Богослуженіе законное, жертвы и пр.); а хулами іудеевъ противъ христіанства они еще болѣе могли располагаться къ тому, чтобы удерживать и распространять іудейскія понятія и въ христіанствѣ. По крайней мѣрѣ, не прежде разрушенія Іерусалима и храма іудействующіе христіане оказываются слабыми, а вмѣстѣ и совсѣмъ чуждыми для Церкви сектами евіонеевъ и назореевъ. Въ нѣдрахъ христіанства успѣла уже возникнуть и другая ложь, извращавшая весь смыслъ христіанства. Нашлись такіе лжеименные христіане, которые, правда, уже не связывались пристрастіями къ ветхозавѣтному церковному порядку и не смѣшивали съ нимъ новозавѣтнаго, зато самую новозавѣтную *благодать*, по выраженію Апостола Іуды, предлагали въ скверну (ст. 4). Христіанскую благодатную свободу они понимали, какъ видно изъ обличительныхъ посланій—второго Петрова и Іудина, въ смыслѣ нравственнаго произвола, не ограничиваемаго никакою властію, никакими обязанностями (2 Петр. 11, 10—12; Іуд. 8—10). *Прямымъ слѣдствіемъ* такого образа ихъ мыслей были въ ихъ поведеніи развратъ, необузданность плотскихъ страстей, дерзость и пренебреженіе ко всѣмъ властямъ (Іуд. 11, 16; 2 Петр. II, 13—22).

Прикрываясь, конечно, личиною яко бы чистыхъ и глубокихъ христіанскихъ воззрѣній, или *глубинъ сатанинскихъ, яко же глаголютъ* (Апок. гл. II, ст. 24), новые эти лжеучители свободно входили въ церковныя собранія, такъ что вѣрующіе принимали ихъ въ участіе своихъ вечерей любви безъ опасенія и предосторожностей противъ нихъ (см. Соборн. посл. 2 Петр. и Іуды); обѣщая обольстительную для ветхаго человѣка своевольную свободу, они удобно увлекали неутвержденныхъ въ Христовой истинѣ (см. тамъ же). П видно, что была заразительна и легко распространялась эта ложь, когда противъ ея поборниковъ направлены два строгія апостольскія посланія—второе Петра и посланіе Апостола Іуды. (Да и Апостоль Іаковъ, примѣтно, строго обличаетъ и опровергаетъ въ своемъ посланіи начала той же лжи, что вѣрующему вовсе не нужно заботиться о совершеніи добрыхъ дѣлъ). Ап. Іоаннъ прямо свидѣтельствуетъ о

двухъ малоазійскихъ церквахъ, что здѣсь нѣкоторые держались ученія о необузданности плотскихъ страстей и дозволяли себѣ запрещенное закономъ Христовымъ. *Имаши*,— сказано Пергамской церкви, — *держащихъ ученіе Валаамова, иже учаше... ясти жертвы идольскія и любви творити* (Ап. 14). *Оставляеши жену Изавели*, — сказано церкви Фіатирской, — *глаголющей себе быти пророчицу учити и льстити моя рабы любодѣйствовати и снѣсти жертву идольскую* (20). Это лжеученіе названо въ Апокалипсисѣ *Николаитскимъ*, по имени, какъ думаютъ, основателя этого лжеученія (ст. 15).

Но и изъ тѣхъ христіанъ, которые соблюдали спасительную истину и даже одушевлялись ревностію о ея чистотѣ противъ лжеучителей, нѣкоторые съ продолженіемъ времени ослабѣли въ христіанской любви—этомъ духѣ и жизни Христовой истины: *имамъ на тя*, сказано Ефесской церкви, пользовавшейся и изуственными, и письменными Богодухновенными наставленіями Павла, лично надзираемой самимъ св. Іоанномъ Богословомъ, имѣвшимъ главное свое пребываніе въ Ефесѣ, — *имамъ на тя, яко любовь твою первую оставилъ еси; помяни убо, откуда спалъ еси* (Апок. II, 5). *Иные* же довольствовались внѣшностію христіанства, — именно христіанъ, не заботясь много о внутреннемъ своемъ усовершенствованіи и духовной жизни: *имя имаши, яко живъ*, — сказано предстоятелю церкви Сардійской, — *а мертвъ еси... не обрѣтохъ бо дѣлъ твоихъ, скончанныхъ предъ Богомъ* (Апок. III, 1—2). Другіе отчасти имѣли нѣкоторую теплоту, усердіе къ вѣрѣ, отчасти же становились холодными къ дѣлу вѣры и собственнаго спасенія и довольные своимъ внутреннимъ состояніемъ, болѣе и болѣе погружались въ духовную безпечность, какъ бы не имѣя и нужды ни въ чемъ большемъ: *вѣмъ твоя дѣла*, — сказано предстоятелю Лаодикійской церкви, — *яко ни студенъ еси, ни теплъ... обуморенъ еси... Глаголеши, яко богатъ есмь и обогатихся, и ничто же требую: и не вѣси, яко ты еси окаяненъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ* (III, 15—17). Такое состояніе цѣлыхъ церквей, очень неблагоприятное и само по себѣ, было тѣмъ бѣдственнѣе, что, какъ выше показано, обстоятельствами, какъ бы нѣкоторымъ облакомъ, прикрывался столько желанный и доселѣ такъ живо ожидаемый день *Готоваго судить живымъ*

и мертвымъ, и потому требовалось особенное острое и свѣтлое зрѣніе вѣры для того, чтобы безъ затрудненія и косности духовной имѣть въ виду этотъ день; а между тѣмъ вѣра во многихъ ослабѣла, а въ иныхъ даже заблуждалась и терялась. Ко всему же этому должно присовокупить, что св. Апостолы сами уже оставляли міръ сей, между тѣмъ провидѣли и предрекли еще большіе успѣхи нечестія и распространенія лжи (2 Тим. II, 16. 17), а въ послѣдніе дни—явленіе людей, ходящихъ только по своимъ похотямъ и нечестіямъ (2 Петр. III), и какое-то великое отпаденіе отъ Христа нелюбящихъ истины, а благоволящихъ къ неправдѣ (2 Сол. 2, 11. 12), наконецъ, открытіе страшнаго врага Церкви—антихриста (тамъ же).

И такъ, что же вообще благопотребно было для Церкви въ такомъ состояніи?

Самое состояніе Церкви и показываетъ, что для нея нужно.

1) Мы видѣли выше, что новосозданная Церковь явилась уже во всемъ духовномъ величій своего благодатнаго устройства чрезъ св. Апостоловъ и успѣла водвориться главнымъ образомъ въ мірѣ языческомъ до концовъ вселенныя (Рим. XV), но между тѣмъ и со стороны іудейства, и со стороны язычества, и отъ вторгнувшихся въ самую область Церкви заблужденій, отъ косности вѣры и облабленія любви во многихъ христіанахъ этотъ ковчегъ всемірнаго спасенія оказывался какъ бы среди водъ потопа, начавшихъ уже и имѣющихъ болѣе и болѣе разливаться до всегубительства времени антихристового. Настоящее затрудняло и смущало; будущее страшило или предуказанными уже общими опасностями, или неизвѣстностію; самое Небо, откуда вѣрѣ должно постоянно ждать грядущаго Господа, какъ бы закрывалось для вѣры примрачными, внѣшними и внутренними обстоятельствами Церкви. Посему требовалось для вѣры такое откровеніе, въ которомъ бы предначертывался весь путь, подлежащій Церкви, какъ съ ея затрудненіями и опасностями, чтобы вѣра была съ бодростію готова встрѣтить какую бы ни было нечаянность зла, такъ вмѣстѣ и съ торжествомъ Господа надъ всѣмъ враждебнымъ для Церкви, чтобы вѣра ни въ какихъ обстоятельствахъ не теряла этого изъ виду и не предавалась ни безпечности, ни недоумѣнію и унынію. И въ особенности потребно было предсказать Цер-

кви самый выходъ и изъ современной борьбы съ иудействомъ, и изъ начинающейся борьбы съ цѣлымъ языческимъ міромъ, и изъ внутреннихъ опасностей отъ *отходящей уже тайны беззаконія*—до окончательнаго раскрытія ея въ антихристѣ.

2) Божественная и спасительная истина, нѣсколько тысячелѣтій уясняемая чрезъ непосредственныя откровенія, наконецъ, уже вполне раскрылась въ Новомъ Завѣтѣ и, для будущаго времени, также почти вполне изложена въ священныхъ книгахъ, которыя уже почти все были написаны въ это время. И такъ великая и священная книга Откровенія Божія уже заканчивалась; рядъ чрезвычайныхъ Богодуховенныхъ вождей вѣры и Церкви, каковы св. Пророки и Апостолы, уже прекращался, и изъ Апостоловъ одни уже отошли, а остальные готовы были отойти изъ сего міра. Между тѣмъ начинались наиболѣе трудныя и опасныя для Церкви обстоятельства, въ которыхъ особенно для слабѣющей вѣры наиболѣе потребно непосредственное Божіе руководство, преподаваемое прямо на то или другое трудное и опасное положеніе Церкви. Посему, въ запечатлѣніе всей книги Откровенія Божія, благопотребно было на будущее время и въ особенности въ наиболѣе трудныя положенія Церкви указать ей особымъ откровеніемъ, гдѣ, въ ряду Богоданныхъ откровеній, она должна искать Божественнаго руководства прямо на тѣ или другія свои особенно тяжкія искушенія и опасности въ будущемъ.

3) Частныя же церкви, которыя уже должны были въ то время испытывать внѣшнія или внутреннія опасныя затрудненія, нуждались въ томъ, чтобы ихъ положенія озарены были нарочитымъ свѣтомъ откровенія къ ихъ частному назначенію и благоустроенію и вмѣстѣ въ образецъ для всѣхъ церквей во все времена.

Но равно и для духовнаго возбужденія, предостереженія и ободренія частныхъ церквей, въ примѣръ для всѣхъ, потребно указать на всегда назирающаго ихъ и не коснящаго пріити Господа; и путь, предлежащій всей вселенской Церкви, нужно раскрыть такъ, чтобы во всякомъ ея положеніи были слышимы или видимы вѣрѣ потрясенія неба и земли, производимыя для рѣшительнаго избавленія вѣрныхъ грядущимъ во славу Господомъ; и самое руководство на слѣ-

чай особыхъ искушеній и затрудненій Церкви должно быть такое, которое бы направляло и вело вѣрующаго къ избѣжанію всякихъ обольщеній и преткновеній и къ оправданію на Божіемъ судѣ. Отсюда можетъ быть понятно, почему мысль о грядущемъ *прославитися во святыхъ Своихъ* и отвергнуть упорныхъ грѣшниковъ Христъ, всемірномъ Судіи, является господствующею и всепроникающею мыслию потребнаго для Церкви откровенія о грядущихъ ея судьбахъ.

III.

Свойства и духъ Апостола Іоанна и его личныя обстоятельства при написаніи Апокалипсиса.

Удовлетворить показаннымъ потребностямъ Церкви чрезъ особое откровеніе избранъ возлюбленный Христовъ ученикъ, Апостоль Іоаннъ Богословъ, который изъ первыхъ Апостоловъ едва ли уже не одинъ тогда оставался въ живыхъ. Свойственный этому органу Св. Духа многообъемлющій и вмѣстѣ глубоко проникающій въ предметы духъ удобно могъ во всей силѣ проникнуть и объять все тогдашнее—вмѣстѣ и высокое и затруднительное—положеніе Церкви, всё ея опасности и потребности, которыя у насъ такъ обще выше раскрыты. Свойственная возлюбленному ученику и вмѣстѣ учителю любви тихая, но самая глубокая и живая любовь, безъ сомнѣнія, хотя безмолвно, но вполне принимала къ сердцу всё настоящія и явно грозящія затрудненія и искушенія христіанства, со всею силою чувствовала потребность потому, въ особомъ откровеніи и вмѣстѣ пламенно желала такого откровенія для вѣры и Церкви. Особенно близкія отношенія Апостола Іоанна къ Малоазійскимъ церквамъ давали ему побужденіе и удобство усмотрѣть и частныя нужды этихъ церквей, примѣрныя для всей Вселенской Церкви. Заточеніе въ Патмосъ въ силу того закона, что *искушенный можетъ и искушаемымъ помощи*, могло и должно было расположить духъ Апостола къ тѣмъ живѣйшему участию и въ малоазійскихъ его чадахъ, и въ положеніи всей Церкви. А возвышенная созерцательность, принадлежащая этому орлу изъ Апостоловъ и Евангелистовъ, являла и полную готовность его быть восхищеннымъ отъ Св. Духа къ такимъ возвышеннымъ созерцаніямъ, чтобы небо и землю

соединить въ одно величественное зрѣлище дивныхъ судьбъ Церкви. Это соображеніе о томъ, какъ св. Іоаннъ былъ уготованъ и возвышенъ къ пріятію благопотребнаго Божественнаго откровенія подтверждается самою книгою Апокалипсиса. *Азъ Іоаннъ, — говоритъ Апостоль христіанамъ семи Малоазійскихъ церквей, ясно выражая свое участіе въ ихъ судьбъ, — азъ Іоаннъ, иже и братъ вашъ и общникъ въ печали и въ царствіи, и въ терпѣннн Іисусъ Христовъ, быхъ во островъ, нарицаемомъ Патмосъ, за слово Божіе и за свидѣтельство Іисусъ Христово. Быхъ въ дусъ въ день недѣльный, — продолжаетъ Іоаннъ, указывая особенно возвышенное восхищеніе отъ Духа Божія, — и слышахъ за собою гласъ велій яко трубы, глаголющія: Азъ есмь Алфа и Омега, первый и послѣдній: и яже видими, напиши въ книгу (1, 9—11).* Въ другомъ видѣннн Тайнозрителя открывается со всею поразительностію, какъ неразрѣшима и непроницаема была для всего міросозданія книга Божіихъ судьбъ, какъ нужнымъ и вождѣннымъ признавалъ самъ св. Іоаннъ раскрытіе сей книги, и какъ чрезъ это самое усиленное желаніе привлечь себѣ Духа откровенія благопотребнаго. *И видѣхъ, — говоритъ онъ, — въ десницѣхъ сѣдящаго на престолѣ книгу написану внутрѣду и внѣду, запечатану седмью печатію. И никто же можаше ни на небѣ, ни на земли, ни подъ землею разгнати книгу, ниже зрѣти ю. И азъ плакахся много, яко ни единый обрѣтеша достоинъ разгнати и прочести книгу, ниже зрѣти ю. И единъ отъ старецъ глагола ми: не плачися: се побѣдилъ естъ левъ, иже сѣи отъ колѣна Іудова, корень Давидовъ разгнати книгу и разрѣшити седмь печатей ея (V, 1, 3—5).* Съ открытіемъ той или другой печати съ этой книги Агнцемъ Божіимъ и начались для Апостола таинственныя видѣннн, составляющія откровеніе, крайне потребное для Церкви. И такимъ образомъ явилась новозавѣтная пророчественная книга — Апокалипсисъ.

IV.

Содержаніе Апокалипсиса съ объясненіемъ потребности и доступности, особенно для нашего времени истолкованія Апокалипсиса.

Въ этой книгѣ, соотвѣтственно обстоятельствамъ и потребностямъ ея происхожденія, содержится такое Божественное

откровение, которое, во-первыхъ, озаряетъ своимъ небеснымъ свѣтомъ состояніе и судьбы частныхъ Малоазійскихъ церквей въ образецъ для Вселенской Церкви въ различныхъ ея состояніяхъ и судьбахъ; во-вторыхъ, раскрываетъ самыя грядущія судьбы Вселенской Христовой Церкви и со стороны ея опасностей и враговъ, и со стороны торжества Христова надъ всѣмъ враждебнымъ; совмѣстно съ этимъ самымъ, въ-третьихъ, указывается небесное руководство на всякія особенно тяжелыя опасности для вѣры и Церкви на всемъ пути ея къ вѣчной славѣ. Такимъ образомъ содержаніе Апокалипсиса есть по преимуществу наставительно-пророческое, что и обозначено въ первыхъ же его словахъ: *Апокалипсисъ Исуса Христа, его же даде ему Богъ показати работѣ своимъ, и мже подобаетъ быти вскорѣ... Блаженъ чтый, и слышащій словеса пророчества и соблюдающій писанія въ немъ* (1, 1—3). Впрочемъ, есть здѣсь указанія и на современныя Тайнозрителю обстоятельства церковныя и состоянія вѣрующихъ, какъ и это ясно обозначено въ книгѣ: *Напиши убо, яже видѣлъ еси, и яже суть, и мже подобаетъ быти по силѣ* (1, 19).

Всѣ составныя части этого великаго откровенія проникаются одною мыслію о грядущемъ и не коснящемъ открытѣ славу для избранныхъ и на вѣки погнать всѣхъ враговъ-Христѣ, всемірномъ Судіи. Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ пророку Даніилу дано было созерцать страшный всемірный судъ, имѣющей открыться во всей славѣ съ кончиною міра, но сокровенно дѣйствующій и нынѣ въ судьбахъ міра и Церкви въ низложеніи враговъ Божіихъ и въ защищеніи отъ нихъ и возвышеніи *святыхъ Вышняго* (См. Дан. VII гл.). Эта самая мысль о грядущемъ всемірномъ Христовомъ судѣ, предначинательно уже дѣйствующемъ въ судьбахъ нашей вселенной и всегда готовомъ открыться во всей своей силѣ, и есть основная и господствующая мысль откровенія, такъ что ея и начинаются, и сопровождаются, и оканчиваются всѣ апокалипсическія видѣнія. *Се грядетъ со облаки*,— такъ начинаетъ говорить Тайнозритель тотчасъ послѣ привѣтствія (1, 7). *Гряди тебѣ скоро*,—говоритъ Самъ Господь Ангелу Ефесской церкви (II, 5). *Держите, дондеже прииду*,— глаголетъ Ѳіатирскимъ христіанамъ (III, 25). *Се гряди скоро: держи, еже имаша, да никто же приметъ вѣнца твоего*

— сказано Ангелу Филадельфійской церкви (III, 11). Такъ и далѣе среди еще первоначальныхъ видѣній судьбы Вселенской Церкви Тайнозритель уже слышитъ вопли вѣчестивымъ къ горамъ и каменію: *Падите на ны и покрѣйте ны отъ лица сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнца: яко прииде день великій гнѣва Его, и кто можетъ стати* (VI, 16. 17)? Равно вслѣдъ затѣмъ торжество и слава вѣрныхъ послѣдователей Христовыхъ изображается чертами жизни вѣчной: *Не взалчутъ къ тому, ниже вжасждутъ... отъиметъ Богъ всяку слезу отъ очю ихъ* (VII, 16. 17). *Времени уже не будетъ*,—сказано въ нѣкоторомъ вступленіи въ длинный рядъ новыхъ пророчесственныхъ видѣній о людяхъ, племенахъ, языкахъ и царствъ многихъ (X, 6. 11). И на первыхъ же изъ сихъ новыхъ видѣній слышны гласы: *Прииди гнѣвъ Твой, и время мертвымъ судъ пріяти* (XI, 18). *Время мало имать*,—сказано о древнемъ челоуѣкоубійцѣ-змѣѣ (XII, 12). *Убойтеся Бога*,—слышимъ далѣе такія увѣщанія,—и *дадите Ему славу, яко приидетъ* (паступись) *часъ суда Его* (XIV, 7). Открыто затѣмъ и страшное зрѣлище суда надъ блудницею-Вавилономъ, поившею виномъ блудодѣянія своего народы (XVIII): *и слышахъ яко гласъ народа многа, и яко гласъ водъ многихъ, и яко гласъ громовъ крѣпкихъ, глаголющихъ: аллилуія: яко прииде бракъ Агнцій, и жена Его уготовила есть себе* (XIX, 6—7). Показано далѣе и такое торжество Слова, Царя царей, что нѣкоторые враги низвержены отъ Него прямо въ пламень геенны (XIX, 15—20); самъ сатана связанъ и заключенъ въ бездну, и Святые Божіи входятъ въ царственную славу нѣкотораго *перваго воскресенія* (XX, 1—4). И уже наконецъ послѣ появленія самыхъ послѣднихъ всемірныхъ враговъ Церкви, которые, значить, принадлежать уже къ антихристову царству, указано всеобщее воскресеніе, всемірный судъ, вѣчная казнь противниковъ и блаженство новаго Иерусалима (XX, 10; XXI. XXII. 5). *Се гряду скоро*,—такъ въ заключеніе повторяетъ нѣсколько разъ Господь Иисусъ (ст. 7, 12, 20). *И духъ и невеста глаголютъ: прииди. И слышай да глаголетъ: прииди* (ст. 17). *Ей гряди скоро: аминь*,—такъ наконецъ глаголетъ свидѣтельствуя ей, т.-е., Самъ Господь, давшій откровеніе Іоанну. *Ей, гряди, Господи Иисусе*,—отвѣтствуетъ Тайнозритель и затѣмъ только благословляетъ вѣрныхъ благословеніемъ благодати, чѣмъ и оканчивается книга (ст. 20, 21).